

Стояло начало лета, июнь. Дни посева уже прошли, до летнего солнцестояния оставалось несколько дней. Пекинская жара действовала на нервы. Лето не к лицу Пекину. Осень и зима даруют ему благородную неспешность и налёт старины, но лету недостаёт пышной сочности, дерзкой незрелости и обволакивающей неги.

В последние несколько лет для Тан Юйхуэя этот период означал прохладу кондиционера в лаборатории, скрип вентилятора в общежитии, кожу, которая никогда не загорала, бесконечный стрекот цикад в тени деревьев и череду спокойных, монотонных дней. Но этот июнь был иным: Тан Юйхуэй уезжал.

Строго говоря, Пекин был местом, где он, не считая детства, провёл больше всего времени. Как ни пытался он отсеять лишнее, вещей набралось на три огромных чемодана.

Кэ Нин ещё не закончил учёбу и сейчас у него была самая горячая пора. В комнате общежития Тан Юйхуэй часто оставался один, и, лелея в сердце ностальгию, он проводил последние дни в месте, ставшим ему домом почти на шесть лет.

В свой последний день, перед самым отъездом, Тан Юйхуэй наконец-то выловил вечно занятого Кэ Нина, чтобы угостить его прощальным ужином. Друзей у Тан Юйхуэя было немного. Поразмыслив, он понял, что попрощаться стоит разве что с Кэ Нином.

Атмосфера за ужином была прекрасной, не возникало никакого ощущения разлуки. Изначально Тан Юйхуэй хотел уехать, не предупредив, но потом решил, что Кэ Нину всё же стоит сказать.

— Кэ Нин, я завтра уезжаю. Возвращаюсь в Сычуань.

Тан Юйхуэй ждал реакции, но, к его удивлению, Кэ Нин обратил внимание совсем не на то, что он ожидал. Кэ Нин сидел напротив кипящего котла с хого и, проглотив кусок острой говядины, громко ойкнул от жжения. Услышав слова друга, он скривился в улыбке и, прищурившись, сказал:

— Возвращаешься? Тан-Тан, да ты в Сычуани в общей сложности и года не прожил.

Тан Юйхуэй на миг опешил. Кэ Нин насмешливо пожал плечами:

— Ладно-ладно, знаю. Твой парень купил квартиру и ждёт тебя, чтобы пожениться. Теперь будешь приезжать в Пекин как в отчий дом к родителям.

Тан Юйхуэй не выдержал и тоже рассмеялся, качая головой:

— Что за ерунду ты несёшь!

Кэ Нин выловил палочками листик зелени и положил ему в миску, подмигнув:

— Разве я неправ? Не волнуйся, как только разгребу дела, сразу приеду к тебе в Чэнду. Правда, это будет, наверное, уже в следующем году... Я всё мечтаю увидеть, какой это везучий кабан умудрился заполучить нашу лучшую в мире капустку.

Тан Юйхуэй без церемоний бросил последний кусок говядины, густо облепленный перцем, в миску Кэ Нина.

— Ешь давай. Будет время — приезжай, а там посмотрим. Мы с моим парнем устроим тебе торжественный приём.

Кэ Нин небрежно махнул рукой:

— Прошу доктора Тана непременно запомнить сегодняшние слова. Лучше всего будет растянуть в аэропорту приветственный баннер.

Хоть Кэ Нин и говорил, что завален работой до смерти, в день отъезда Тан Юйхуэя он хоть и с трудом, но выкроил время, чтобы проводить его в аэропорт. Большую часть багажа Тан Юйхуэй отправил почтой в квартиру в Чэнду, с собой у него был лишь один маленький чемодан.

Добравшись до входа в зону досмотра, они оба остановились. Тан Юйхуэй не спешил проходить внутрь, серьёзно глядя на своего лучшего друга. Кэ Нин шагнул вперёд и обнял его. Его голос звучал тихо, но слова донеслись очень отчётливо:

— Мне ни капельки не грустно, Тан-Тан. Потому что я знаю, что ты стремишься к своему счастью. Пока это так, я ни о чём не жалею и расставание не кажется печальным.

Тан Юйхуэй с улыбкой похлопал его по спине:

— Я знаю.

Кэ Нин отстранился. Его глаза немного покраснели, но он всё равно улыбался. Он помахал Тан Юйхуэю рукой.

— Пока, Тан-Тан! Счастливой любви!

Тан Юйхуэй тоже энергично помахал ему в ответ.

— Пока, Кэ Нин! Увидимся в Чэнду! И ты будь счастлив!

Четырёхчасовой перелёт, по сравнению с теми, что Тан Юйхуэю приходилось совершать ради соревнований и командировок, был совсем недолгим. Но сейчас ему казалось, что эти две тысячи километров выходят далеко за рамки простого измерения, обретая смысл, который хотелось запомнить навсегда.

В тот миг, когда самолёт коснулся земли и раздался гул шасси, Тан Юйхуэй понял, что всё это время ждал именно этого момента. Ожидание может быть тихим, а может быть и трепетным. Когда скучаешь, звук этого ожидания становится глубоким и долгим, капля за каплей пропитывая твоё обыденное время и наполняя сердце сладковато-горьким чувством тревоги и предвкушения. «Наверное, Кан Чжэ тоже скучал».

Для Тан Юйхуэя первый взгляд на Кан Чжэ после каждой разлуки был моментом наивысшей любви. Он специально взял с собой лишь ручную кладь, чтобы не заставлять Кан Чжэ ждать слишком долго. Поэтому он вышел в зал прилёта всего на десять с небольшим минут позже расчётного времени посадки — и сразу увидел того, кто стоял и ждал его.

Возможно, из-за привычки защищаться от высокогорного солнца Тан Юйхуэй никогда не видел, чтобы Кан Чжэ был одет так легко. Сегодня на нём была простая белая рубашка и чёрные брюки. Волосы немного отросли. Он стоял у лифта, опустив глаза в телефон, и был похож на модель на фотосессии в аэропорту.

Тан Юйхуэй, катая за собой чемодан, сделал всего несколько шагов, когда Кан Чжэ, словно что-то почувствовав, поднял голову. В восприятии Тан Юйхуэя Кан Чжэ всегда был окутан тьмой, он словно поглощал весь свет вокруг, и тот угасал. Интересно, когда Кан Чжэ смотрел на него, возникало ли у него такое же чувство застывшего времени?

Аэропорт, как обычно, был полон шума и суеты. Безликая толпа текла, подобно реке, силуэты сходящихся и расходящихся людей мелькали туда-сюда, и никто не замечал, как в этот самый миг кто-то в десятитысячный раз вновь влюблялся в кого-то.

Тан Юйхуэй подумал, что Кан Чжэ — это вечность. Он существовал с самого сотворения Вселенной. Он и вправду не менялся, всё так же невозмутимо стоял на месте, и каждая новая встреча с ним была как спасение — как шаг за грань обыденной жизни, в пейзаж, существующий вне её. Кан Чжэ был для Тан Юйхуэя размеренным биением сердца, опорой и вершиной его духа, той самой трещиной, сквозь которую пробивалась новая жизнь.

Первым улыбнулся Кан Чжэ. Он широким шагом подошёл к Тан Юйхуэю, легко обнял его, забрал чемодан и медленно взял за руку. Тан Юйхуэй тоже поднял голову, улыбнулся в ответ и крепко сжал его пальцы.

Они по-прежнему ловили на себе взгляды незнакомцев, и многие из них были прикованы именно к ним. Но в их мире царил тишина. Они были слишком прекрасны — настолько, что этот момент заслуживал того, чтобы остаться в памяти без тени сожаления.

Кан Чжэ убрал чемодан в багажник. Тан Юйхуэй сел на пассажирское сиденье и, как только Кан Чжэ сел за руль и закрыл дверь, прислонился к его плечу, словно уставшая птица, вернувшаяся в гнездо. Кан Чжэ приподнял его голову и, склонившись, подарил ему поцелуй. Этот поцелуй, невесомый, как пылинка, тихо опустился на умиротворённое сердце Тан Юйхуэя, и все его мысли снова наполнились знакомым запахом Кан Чжэ. Безмолвный и величественный поцелуй дал Тан Юйхуэю понять: все эти месяцы их ожидание было одним на двоих.

Тан Юйхуэй, что было для него редкостью, смутился от поцелуя и первым прервал его. Всю дорогу он держал Кан Чжэ за руку, и, хотя они почти не разговаривали, их окутывало чувство безмятежного спокойствия и счастья. Лишь когда они припарковались, вошли в подъезд, поднялись на лифте на последний этаж, эмоции Тан Юйхуэя, бурлящие, как приливы и отливы, наконец улеглись. Из этой квартиры, стоило только открыть дверь, была видна заснеженная гора. Тан Юйхуэй уже заметил её из машины — словно приветственный дар небес в честь его возвращения.

Кан Чжэ молча стоял в дверях. Он протянул Тан Юйхуэю совершенно новый ключ и с лёгкой улыбкой произнёс:

— Прощу, госпожа Кан.

Тан Юйхуэй ошеломлённо взял ключ, открыл дверь и вдруг спросил:

— Ты поэтому так официально оделся?

— Официально? — Кан Чжэ вскинул бровь и, повернувшись, закрыл за ними дверь. — Это предел моей торжественности. Неужели госпожа Кан и в день свадьбы будет придиратся к своему жениху?

Тан Юйхуэй улыбнулся так, что глаза превратились в щёлочки.

— Какая ещё свадьба?

Кан Чжэ ничего не ответил. Он взял Тан Юйхуэя за руку, подвёл его к огромному панорамному окну в гостиной и резким движением раздвинул белые шторы в стороны. Перед ними величественно возвышалась белоснежная горная гряда. Гора Гунгашань, безмолвно окутанная золотым светом небес, нежно взирала на них и напоминала бесчисленные мгновения тишины в вечном шуме ветра. Кан Чжэ подхватил край шторы, накинул её на голову Тан Юйхуэя и с ленивой улыбкой протянул:

— А вот такая...

Тан Юйхуэй молча смотрел на него. Улыбка Кан Чжэ стала глубже, взгляд — пленительнее. Эта искренняя сладость медленно разливалась по уголкам его губ, отражалась в глазах, коснулась клыков.

— Теперь всё официально? Можно приступать к брачной ночи?

Тан Юйхуэй моргнул:

— У тибетцев тоже есть такой свадебный ритуал?

— Какая разница, — безразлично бросил Кан Чжэ, — итог всё равно один.

Тан Юйхуэй по-прежнему молча смотрел на него, улыбаясь одними глазами. Терпение Кан Чжэ лопнуло. Он просто вскинул Тан Юйхуэя на плечо и отнёс на диван. Тан Юйхуэй со смехом пытался вывернуться, но Кан Чжэ вдруг схватил его запястье и серьёзно произнёс:

— Поехали завтра со мной. Вернёмся на денёк в Кандин, как тебе?

Воздух вокруг словно застыл. Тан Юйхуэй всем телом напрягся. Кан Чжэ успокаивающе поцеловал его и с улыбкой добавил:

— Я не прошу тебя совершать каминг-аут. Просто съездим проведать моих отца и мать. Они тоже по тебе скучают. Что думаешь?

Тан Юйхуэй провёл ладонью по лицу Кан Чжэ и, помолчав, спросил:

— Почему ты вдруг решил вернуться?

Кан Чжэ сел рядом и пристально посмотрел ему в глаза.

— Так нужно. Разве ты не чувствуешь?

Подумав немного, Тан Юйхуэй тихо кивнул.

Он боялся, что Кан Чжэ устанет за рулём, и настоял на том, чтобы купить билеты на самолёт и полететь вместе на следующий день. Кан-старший приехал их встречать на машине. Увидев Тан Юйхуэя, он так обрадовался, что тут же заключил его в объятия, затем осмотрел с ног до головы и с улыбкой похлопал по плечу. Мама Кан Чжэ приготовила ужин и ждала их дома. После еды Кан Чжэ сказал, что им будет удобнее остановиться в гостевом доме. Выпив с отцом пару рюмок, он усадил Тан Юйхуэя на мотоцикл, и они уехали, пообещав зайти завтра.

Родители настойчиво уговаривали Тан Юйхуэя задержаться ещё на несколько дней. За столом Тан Юйхуэй, запинаясь, не знал, что сказать, и тогда Кан Чжэ вмешался, объяснив, что ему через пару дней выходить на работу, а завтра они ещё хотели заглянуть в школу.

Спустя годы Тан Юйхуэй снова сидел на заднем сиденье мотоцикла Кан Чжэ. Обняв его за талию, он, как и много лет назад, прижался щекой к его спине и тихо спросил:

— Как думаешь, дядя и тётя когда-нибудь узнают?

— Думаю, мой отец уже догадался, — ответил Кан Чжэ. — С мамой будет сложнее, но в конце концов они оба примут это. — Помолчав, он добавил: — Ты им очень нравишься.

Тан Юйхуэй промычал в знак согласия и тихо произнёс:

— Я люблю тебя. Всего тебя, и твою семью тоже.

Кан Чжэ не ответил. Лишь когда они остановились у гостиницы, он обернулся и велел Тан Юйхуэю не двигаться. Тот покорно замер на сиденье. Кан Чжэ обошёл мотоцикл, подхватил его на руки и внёс в дом. Не выпуская его, он молча поднялся по лестнице на крышу и опустил его под звёздное небо.

Силуэт Кан Чжэ навис над Тан Юйхуэем. Под россыпью сияющих звёзд он произнёс серьёзно и веско:

— Впредь не говори мне те слова в спину. Говори, глядя мне в глаза.

Тан Юйхуэй обнял его за шею и улыбнулся так, словно все звёзды мира зажглись для него одного. Он нежно и покорно сказал:

— Я люблю тебя.

Ночь замерла в безмолвии. Кан Чжэ наклонился. В его приближении была тяжесть гор, неистовая сила лавины, несущая долгожданное воссоединение, и вечное, как мир, сияние звёзд рассыпалось искрами перед глазами. Он сказал глухим голосом:

— Я знаю. И я тебя.

На следующее утро Кан Чжэ проводил Тан Юйхуэя в школу. Тан Юйхуэй с радостью увидел, что её снова отстроили: на стадионе появились беговые дорожки, корпус стал двухэтажным, флагшток по-прежнему гордо возвышался. Перед уходом Тан Юйхуэй в последний раз взглянул на него. На постаменте виднелась гравировка. Там было написано имя жертвователя — Кан Чжэ, а под ним — строчка на тибетском. Тан Юйхуэй провёл ладонью по высеченному имени, и его сердце наполнилось безмятежностью — живой и плавной, как тихий говор ручья.

Поскольку Тан Юйхуэю и правда нужно было завтра выходить на новую работу, Кан Чжэ ничего не оставалось, кроме как сегодня отвезти его обратно. Они снова заехали к его родителям, пообедали с ними, и после Кан Чжэ на мотоцикле повёз Тан Юйхуэя в аэропорт.

На краю неба, за дальними горами, извечно покоились облака — гнёзда, острова и озёра небес. Ровесники мира, они веками зрели в тишине, и лишь звёзды дарили им свои поцелуи. Они были вечными странниками, безмолвными свидетелями бесчисленных жизней и случайных встреч, вечными в своём бесконечном течении. Тан Юйхуэй всегда знал, что любит это место и будет любить вечно, хоть и попрощался с ним сейчас, мгновение за мгновением.

Сев в самолёт, Тан Юйхуэй вспомнил свой первый день в Кандине. Он был весь покрыт шрамами собственной гордыни, растерянный, донельзя хрупкий. Деталей он уже не помнил, но знал точно: первое, что он увидел, очнувшись от тряски, были эти белые острова, собравшиеся на вершинах снежных гор. Сейчас было так же. Рядом с ним сидел Кан Чжэ — его дар, полученный от гор и рек.

Они пронзали белоснежные облака, и эти пушистые, как шерсть, клочья на миг становились живой кровью небес. Самолёт проходил сквозь них, и они тотчас же смыкались позади, растекаясь лёгкой рябью и вновь становясь частью вечного пульса небосвода.

Тан Юйхуэй отрешённо смотрел на уголок белизны за окном. В этот миг Кан Чжэ повернулся к

нему, помолчал и начал медленно приближаться. Всё то, что когда-то пропитало, пронзило Тан Юйхуэя насквозь — снежные горы, ледники, звёздное небо, жизнь облаков, смешанная с запахом травы, — всё это вновь безоговорочно окутало его.

Кан Чжэ осторожно взял Тан Юйхуэя за руку и прижал его ладонь к иллюминатору. Не говоря ни слова, они вместе устремили взгляды вдаль. Казалось, само время обрело плоть. Оно текло по небу, обращаясь в боль, нежность и бесформенную любовь, чтобы затем медленно, частица за частицей, мечтой воплотиться в реальность.

Кан Чжэ сидел рядом, так близко, что Тан Юйхуэй мог коснуться его, лишь протянув руку. С привычной улыбкой на губах он стёр последнее расстояние между ними и из этой обретённой, осязаемой близости сказал Тан Юйхуэю:

— Ну что ж, идём. Ты всё-таки догнал.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130204>